

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ В ВОЛЖСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Значения, формы и употребление большинства падежей — именительного, родительного, винительного, совместного, сравнительного, местного, направительного — в волжском говоре в основном те же, что и в литературном языке.

Одной из специфических особенностей говора в области существительных является более широкое, чем в литературном языке, употребление обстоятельного падежа (вместо литературного дательного падежа на *-lan*). Он имеет форму с окончанием *-š*, *-eš*: *u·lo su-rtām ku·mlo teŋge-š* (ср. лит. *тенгелан*) *u·žala·* 'все хозяйство продает за тридцать рублей', *kečəvəle-š le-mām šo-lđāmāla* 'нужно варить суп на обед', *lu·čase-š ka-jmāla* 'нужно идти в десять часов', *ka-žne buje-š ku-t pu-t te-ne* 'за каждую голову по шесть пудов', *tu·du·m du·me-š šotle-n u·lu·t* 'его считали за бога', *maška· tu·du·m kuḡāža-š šoya-lđāš* 'медведь поставил его царем', *take-š mo·dek kaje-m* 'зачем пойду попусту'.

Употребление обстоятельного падежа вместо литературного дательного в волжском говоре обусловлено, очевидно, тем, что, во-первых, обстоятельный падеж в одном из своих значений (*mešake-š lu·m opta·* 'кость кладет в мешок') весьма близок дательному (*ni-l ku-dāžlan pura-le* 'он заходил в четыре дома', ср. лит. *nyl pörtyiš pyryš*), во-вторых, формы этих падежей одинаково восходят к древним направительным (лативным) падежам, хотя и различным по материальному выражению, в частности: дательный падеж в марийском языке берет начало от латива на *-la* и *-n (< -ñ)*¹, обстоятельный — от *s*-ового латива.²

Однако из изложенного выше нельзя заключить, что форма дательного падежа совершенно не употребляется в говоре. Грамматический показатель этого падежа *-lan* присоединяется обычно к приглагольным существительным, например, для обозначения косвенного дополнения, выражающего предмет или лицо, к которому направляется действие или ради которого оно совершается (*mea-n kolxozla-n oksa· pre-mim pue-βe* 'нашему колхозу дали денежную премию', *əmnāla-n βa-rāmāla* 'лошади надо замесить'), обстоятельства места (*ni-l ku-dāžlan pura-le* 'он заходил в четыре дома'), целевых отношений (*pu-lan, ki-ndālan ku·ryu·žo* 'он побежал за дровами, за хлебом'), логического субъекта действия в безличных предложениях (*pörjə-ŋlan salda-kāš ka-jmāla* 'мужчине нужно идти в солдаты') и т. д.

¹ Б. А. Серебренников, О современной и древней системе марийских падежей. — Вопросы марийского языкознания, Йошкар-Ола 1964, стр. 105.

² И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола 1964, стр. 51—52; Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва 1964, стр. 27.

В отличие от литературного языка в волжском говоре есть отдельный падеж (аблатив) с окончанием *-leč*³, одинаково присоединяемым ко всем без исключения существительным единственного и множественного числа как с притяжательными суффиксами, так и без них. *-leč* образовалось путем сращения суффикса древнего направительного падежа (аллатива) *-la* и суффикса древнего отделительного падежа (аблатива) *-č < -t*. Он отвечает на вопросы *kö-leč?* 'от кого?', *mo-leč?* 'от чего?'

Отделительный падеж существительных употребляется, как правило, в сочетании с глаголами и отглагольными образованиями и выступает в роли косвенного дополнения, обозначая главным образом предмет, от которого что-либо отделяется или выделяется, находится на расстоянии: *mă-j joldăše-mleč oksa-m na-lăm* 'я взял деньги от своего товарища', *olmaru-žăleč olma-že mü-ndărkö o-k boč* 'яблоко от яблони далеко не падает', *aka-m ola-leč tora-šte tünăkta* 'моя старшая сестра учит вдалеке от города', *bo-rleč kode-š, tu-llleč oye-š kot* 'от вора остается, от огня не остается'.

Отделительный падеж существительных может с прилагательными и наречиями в положительной или сравнительной степени входить в состав компаративных конструкций: *aŋa-ku-mu-l kečăleča-t šokšăra-k* 'сердце матери жарче солнца', *o-mo koma-n melnaleča-t tu-tlo* 'сон слаще слоеных блинов', *ta-če marde-ž etenge-čšăleč ta-lăn da jüyăštănra-k puale-š* 'ветер сегодня по сравнению со вчерашним дует сильнее и холоднее'.

Аблативная форма имени сочетается с послелогами *posna* 'без', *o-nčăč* 'до, перед', *bara* 'после' и др.: *bu-jleč posna-jo-l kaje-n o-k ket* 'без головы ноги не могут идти', *u-rža-leč o-nčăč šü-lăm o-k türede-p* 'до ржи овса не жнут', *bo-lyănčăleč bara-kü-dărčö küdărča* 'после молнии гром гремит'.

Форму отделительного падежа могут иметь не только существительные, но и субстантивно употребленные другие части речи, например: *kuŋăra-kleč lü-t, izira-kleč bo-žăl* 'старшего бойся, младшего стыдись', *pura-čoŋa-š tünă-lmăleč o-nčăč preňa-m ja-mdălmăla* 'прежде чем срубить сруб, бревна нужно заготовить'.

Однако нужно иметь в виду, что отделительный падеж широко употребляется петъяльскими, बहुшепаратскими, карамасскими и сотнурскими марийцами, а на остальной территории распространения волжского говора в основном молодежью. В речи же представителей старшего поколения эта форма встречается реже. В ее значении нередко употребляется конструкция с послелогом *te-rč(ăn) ~ de-rč(ăn)* 'с, от': *iza-že de-rč(ăn) tu-do nale-š* 'он берет от своего старшего брата'.

Следует также отметить, что *-leč* в волжском говоре раньше, по видимому, имело ограниченную сферу употребления. Оно выступало лишь в сфере местоимений, о чем свидетельствуют данные той территории говора, на которой наряду с послелогом *te-rč(ăn)* в местоимениях выступает *-leč*, например: *măleče-m ida-lüt* 'не бойтесь меня', *tu-tleča-t onda-k marla-n kaje-n* '(она) вышла замуж раньше того времени'.

³ Ö. Beke, Cseremiszy nyelvtan, Budapest 1911, стр. 232—238; Y. Wichmann, Tscheremissische texte mit wörterverzeichnis und grammatikalischem abriß, Helsinki 1923, стр. 113—117; E. Lewy, Tscheremissische Grammatik, Leipzig 1922, стр. 118—122.

Специфичным для волжского говора грамматическим средством выражения отношения имени к другим словам в предложении является также окончание *-γḁč̣ (-kḁč̣)*. В марийском литературном языке и в других уже изученных диалектах *-γḁč̣ (-kḁč̣)* не рассматривается как способ выражения падежных отношений, а считается послелогом со значением 'с, из'.

Следовательно, здесь мы имеем дело со сложной проблемой соотношения падежей и послеложных конструкций, разграничением послелогов и падежных окончаний.⁴

Между тем более пристальный анализ рассматриваемых образований обнаруживает, что при всем своем сходстве падежи и послелоги в волжском говоре все же различаются. Нельзя не заметить некоторых различий в звучании послеложных конструкций и падежных форм. Так, падежные окончания *-γḁč̣, -ḁške* и др., не имеющие самостоятельного ударения, полностью подчиняются закону прогрессивной ассимиляции гласных и согласных, при этом безударные гласные полного образования абсолютного исхода склоняемого слова согласно гармонии гласных превращаются в один из редуцированных гласных *u, ḁ, ɲ⁵*: *ju-l-γuč̣* 'из Волги', *ku_št_u_ra-γḁč̣* 'из сора', *ku_ru_kkuč̣* 'из горы', *β_ɲ-ry_ɲč̣* 'из крови', *solke-mgḁč̣* 'из плахи', *ɲ_ɲ-t_ɲrt_ɲsk_ɲč̣* 'из свертка', *pa-skḁč̣kḁč̣* 'из лестницы', *tu_γu_ru_ško* 'в рубашку', *a-βḁlḁške* 'в деревню'. В отличие от гласных падежных окончаний гласные послелогов находятся вне действия гармонии звуков (ассимиляция согласных и в этом случае имеет место), например, *je-r jokte* 'до озера', *i-s koč̣* 'через берда', *βu-j γoč̣* 'через голову' и др. Правда, в волжском говоре встречаются и случаи, которые в известной степени можно рассматривать как проявление гармонии гласных: *mō-r ḁōk* 'за земляникой', *niγō- ḁōn* 'ни с кем', *kō- ḁōč̣* 'от кого', *po-ɲgo ḁek* 'за грибами', *kara-s tek* 'за воском', *mō- ḁep* 'с чем', т. е. за огубленными гласными переднего ряда *ō, ū, ɲ* самостоятельного слова, если за ними не стоит другой гласный, выступает переднерядный *ō*, в других же случаях произносится *e*, также переднерядное.⁶

Однако подобные случаи гармонизации факультативны, поэтому грамматические средства *ḁō-n(ō) ~ ḁe-n(e)* 'с, около, у, по', *ḁō-k(ō) ~ ḁe-k(e)* 'к' и др. нужно считать послелогоми, имеющими, очевидно, некоторые признаки морфологического средства, выражающего отношение имени к глаголу.

Итак, грамматическое средство *-γḁč̣ (-γu_č̣, -γɲč̣), -kḁč̣ (-ku_č̣, -kɲč̣)*⁷, составляющее одно из специфических особенностей волжского говора, является не синтаксическим средством, а морфологическим. Послелог,

⁴ Н. Т. Пенгитов, О падежах в марийском языке. — Труды МарНИИ, вып. IX, Йошкар-Ола 1956, стр. 45.

⁵ Г. И. Лаврентьев, Гармония гласных в волжском говоре марийского языка. — СФУ V 1969, стр. 37—42; его же, Ассимиляция согласных в волжском говоре марийского языка. — СФУ II 1966, стр. 201—206.

⁶ В кошамарском кусте независимо от качества гласного предшествующего самостоятельного слова произносятся *ō*-овые варианты послелогов: *ḁō-kō* 'к', *ḁō-nō* 'с, около, у, по', *ḁōran* 'около, у, возле': *muža-n tōkō koštāna-m* 'я ходил к ворожее', *po-c tōnō lu pša-l* 'хлестни хвостом', *ju ljal ḁōra-n* 'около деревни Сидельниково', *pō-rt tōkō* 'к дому'.

⁷ *-kḁč̣ (-γḁč̣)* возникло, очевидно, из аблативной формы финно-угорского местоимения **ku*. По мнению Ф. И. Гордеева, *-kḁč̣ (-γḁč̣)* является заимствованием из иранских языков, ср. древнеиндийское *sacā* 'от, из', древнеиранское *hačā*, авестийское *hača*. См. Ф. И. Гордеев, О происхождении формы, выражающей неполноту действия в марийском языке. — СФУ IV 1968, стр. 129.

примкнув к именам, в волжском говоре образовал новый падеж. «Переход послелогов в падежные окончания завершается, когда появляется второй фонетический вариант и тем самым создается условие для уподобления гласных.»⁸

Принимая во внимание наиболее общее и характерное грамматическое значение образований с *-γăċ* (указание на предмет, изнутри которого направлено действие другого предмета), мы назовем их исходным падежом (элативом).⁹ Он отвечает на вопросы *ku_še.ċ?* 'откуда?', *mo_γăċ?* 'из чего?'

Формы исходного падежа от существительных одушевленных не употребляются. Они могут быть образованы лишь от неодушевленных существительных единственного и множественного числа как с притяжательными суффиксами, так и без них, например: *ko_ċăškăċ* 'из пищи', *iliksna_γăċ* 'из нашей жизни', *ġ-ŋgāršamăċkăċ* 'из колокольчиков'.

В системе падежных форм волжского говора направительный и исходный падежи по значению противопоставляются и взаимно отталкиваются друг от друга.

Исходный падеж может выражать весьма различные значения, в известной степени зависящие от характера предложений, семантики отдельных словосочетаний и самого имени. Грамматически зависимый элатив употребляется лишь в сочетании с глаголами и отглагольными образованиями. Представим примеры на многообразии падежных значений элатива: *tu_nu_γu_ċ lekme.ke ka.jik i.γe tu_na.mok ok ċoŋe.šte* 'вылупившись из яйца, птенец не сразу летает', *βu.so u_rlu_kku_ċ tu.to pă.rċăm i.t βu_ċo* 'из незрелых семян ядерных зерен не жди', *ške.pakċa.tkăċ jă-ŋ pakċa.ške kü.m i.t kăškălt* 'из своего огорода на чужой камне не кидай', *izi_γăċ ku_γo lije.š* 'из малого будет большое', *pö.rtăm leβe.dăškăċ ċoŋa.š o.k tünale.p* 'избу не с крыши начинают строить', *pu_rmu_la.j pă.lăkškăċ pure.n, šolaya.j pă.lăkškăċ lekte.š* 'в правое ухо вошло, из левого выходит', *šü.rtö βă.škăž βe.rγăċ kürle.š* 'нитка рвется в тонком месте', *omas.a. u_lma.šte okna_γăċ o.k košte.p* 'при дверях через окно не ходят'.

Таким образом, в волжском говоре имеются отсутствующие в литературном языке отделительный и исходный падежи, а также шире употребляется обстоятельственный падеж.

G. I. LAVRENTJEV (Glazov)

SPECIFIC CASE FORMS IN THE VOLGA DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

The case system in the Volga dialect differs in many ways from that of the Mari literary language. In the dialect there is an ablative which is not to be found in the literary language. This ablative is characterized by the ending *-leċ*, which occurred as a result of conglomeration of the ancient allative ending in *-la* and the ablative *-ċ* (< *-t*).

Specific for the dialect is also the elative with the ending *-kăċ* (*-ku_ċ*, *-kŋċ*), *-γăċ* (*-γu_ċ*, *-γŋċ*).

Adverbials with the ending *-š*, *-eš* are more widely used in the dialect (instead of the dative case in the literary language).

⁸ К. Е. Майтинская, Венгерский язык, Москва 1955, стр. 68.

⁹ Наличие элатива с аналогичным материальным выражением в мари́йском языке См. О. Веке, указ. раб., стр. 232—238; отмечали также другие исследователи. Y. Wichman, указ. раб., стр. 113—117; E. Lewy, указ. раб., стр. 118—122.